

И. В. СМЫСЛОВ

Николай и Александра*

Будущий император, великий князь Николай Александрович (род. 6 мая 1868 г.) был старшим сыном Александра III и Марии Федоровны. Образованием царских детей занимались лучшие профессора (правда, согласно этикету, в то время они не имели права ставить отметки своим воспитанникам**, а лишь читали им лекции, так что успеваемость будущего Императора от нас сокрыта; достоверно известно, что он прекрасно владел английским, французским, мог говорить на датском и немецком)***. Однако с воспитанием характера, духа, силы воли, а особенно

* Впервые: *Смыслов И. В.* Царский путь. Размышления о канонизации Царской Семьи. Нижний Новгород: ООО «Печатный мир», 2000. С. 72–96. (Глава 2. «Николай и Александра»). Печатается по этому изданию.

Смыслов Игорь Васильевич — нижегородский исследователь, историк и публицист. — *Примеч. сост.*

** См., к примеру: *Боханов А. Н.* Николай II. М.: Молодая гвардия — ЖЗЛ; Русское слово, 1997. С. 61.

*** Великий Князь Александр Михайлович пишет: «Остальные его познания сводились к разрозненным сведениям по разным отраслям, но без всякой возможности их применить в практической жизни. Воспитатель-генерал (Имеется в виду генерал Данилевич, о котором А. А. Мосолов писал, что при Дворе его никто кроме как «иезуитом» не величал — см.: *Мосолов А. А.* При дворе последнего Российского Императора. Записки Начальника Канцелярии Министерства Императорского Двора. М.: частная фирма «АНКОР», 1993. С. 17. — *И. С.*) внушил, что чудодейственная сила таинства Миропомазания во время Святого Коронования способна была даровать будущему российскому самодержцу все необходимые познания» (Цит. по: «Григорий Распутин». Сборник исторических материалов. В 4-х томах. М.: «ТЕРРА» — «TERRA»; «Книжная лавка — РТР», 1997. Т. 1. С. 30).

мировоззрения было не столь благополучно. А. А. Мосолов пишет: «По словам генерал-адъютанта Васильковского и мистера Хиса (впоследствии учителя английского языка наследника-цесаревича), дети Александра III росли почти без надзора. Манеры их не отличались тем изяществом, которое обращает на себя внимание у детей, за которыми постоянно следили. Даже в присутствии своих родителей дети перебрасывались за столом шариками хлеба, если знали, что им удастся остаться непойманными»*. По словам личного врача Александра III и Марии Федоровны Н. А. Вельяминова, императору Александру III не удалось воспитать собственных детей, т. к. все свое время он отдавал заботе о государстве. Здесь, по совершенно справедливому замечанию Вельяминова, проявился так называемый «закон вырождения пассионариев»**. Впоследствии это привело уже к недетским шалостям. Известен «роман» молодого Николая с балериной Мариинского театра Матильдой Феликсовной Ксешинской (1872–1971), в роскошном двухэтажном особняке которой наследник проводил вечера (а нередко и ночи)*** — это

* Мосолов А. А. При дворе последнего Российского Императора. Записки Начальника Канцелярии Министерства Императорского Двора. М.: частная фирма «АНКОР», 1993. С. 17.

** Вельяминов Н. А. Воспоминания об Императоре Александре III-м // Российский архив (История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Выпуск V. М.: Студия «ТРИТЭ» — «Российский архив», 1994. С. 312.

*** Наследник и балерина познакомились в марте 1890 г., а кульминации их роман достиг зимой 1892–93 гг. Из дневника Николая: «В 12 час. отправился к М. К., у которой оставался до 4 час. Хорошо поболтали, посмеялись и повозились (?! — И. С.)»; «отправился к М. К., где ужинал по обыкновению и провел прекрасно время» и т. п. Пассия Наследника была по вере католичкой, что его, похоже, не особо смущало. Родители же его особо не переживали, надеясь на благоразумие сына... После разрыва с Наследником Матильда пошла по рукам, причем по великокняжеским: она сожительствует с двоюродным дядей Николая II, Вел. Кн. Сергеем Мих. и, одновременно, с двоюродным братом Николая II, Вел. Кн. Андреем Владимировичем, от которого в 1902 г. родила сына, а в 1921 наконец-то обвенчалась с Андреем Владим. (Боханов А. Н. Николай II. С. 93–96, 456.) Нравы потрясающие! Похоже, кровосмешение (о таких детских (по сравнению с кровосмешением) вещах, как блуд, не говорим) было в норме... А чего, кстати, стоят «династические браки», узаконенные «Законом о престолонаследии» имп. Павла I! По этому закону будущий император не мог жениться иначе как на иноземной и иноверной (но зато с шикарной родословной). О, скольких проблем удалось бы избежать, если бы наши императоры ис-

в то время, когда он был «без памяти влюблен» в принцессу Алике*... Наследнику совершенно не хватало серьезности и подготовленности не только для семейной жизни, но и для управления государством. Исследователь российской истории А. Бушков вполне справедливо пишет: «И собственную гибель, и гибель империи Николай, по сути, запрограммировал уже своей женьитьбой. Нынешние его апологеты с могучим сюсюканьем, порой превосходящим по громкости корабельную сирену, восторгаются и умиляются: Государь, отец наш, «женился по страстной любви»! И при этом именуют себя монархистами... Проблема давно исследована теоретиками монархической идеи в самых разных европейских странах: самодержец, кроме огромных, ничем не стесненных прав, обладает еще добровольно возложенными на себя обязанностями. Одна из таких обязанностей — невозможность подобно обычному человеку жениться по любви. Брак монарха обязан преследовать два требования:

- а) принести в дальнейшем политические выгоды,
- б) служить появлению на свет здорового потомства.

Оба эти условия никоим образом не были соблюдены. Женившись по любви, Николай совершил свое первое предательство интересов России, сделал то, чего не имел права делать. На российском престоле оказалась истеричка с дипломом доктора философии, несшая в генах страшную болезнь — несвертываемость крови (гемофилию). Хотя уже в те времена медики обладали достаточными знаниями о наследственных болезнях вообще и механизме передачи гемофилии детям мужского пола. Никто, однако, не набрался смелости вразумить императора — ну как же, романтичный Ники пылал любовью... Последствия известны. Родился больной наследник. Легко представить, как это повлияло на психическое состояние царствующей четы, и без того не блиставшей интеллектом. При дворе появились сменявшие друг друга шарлатаны — «магнетизеры», целители, «святые старцы». Кончилось все Распутиным, приведшим к оконча-

кали себе супругу, подобно князю Петру Муромскому, взявшему в жены простую девушку Февронию, благочестивую и православную...

* Конечно, православный монарх не должен ставить подобные цели во главу угла. Но он (т. к. он не только православный человек, но и монарх, ответственный за судьбы своего государства) не имеет права забывать о таких вещах, как политика и, тем более, здоровое наследство. Правота А. Бушкова в том, что Николай Александрович о подобных вещах не подумал.

тельному краху... <...> Знаменитый русский военный теоретик Драгомиров оставил убийственное высказывание о Николае II: «СИДЕТЬ на престоле годен, но СТОЯТЬ во главе России неспособен». Министр внутренних дел Н. П. Дурново считал, что Николай «обладает средним образованием гвардейского полковника хорошего семейства», что маловато для человека, стоящего во главе империи... Не менее категоричен известный юрист Кони: «Его взгляд на себя как на провиденциального Помазанника Божия вызывал в нем подчас приливы такой самоуверенности, что ставились им в ничто все советы и предостережения тех немногих честных людей, которые еще обнаруживались в его окружении»*.

Итак, вот плоды воспитания Николая Александровича. Тот же Вельяминов пишет о последних днях жизни Александра III: «Отмечу еще, что я, конечно, с особым интересом наблюдал в Ливадии за Наследником и той ролью, которую он тогда играл в Семье. Должен сказать, что меня тогда уже удивляла его молодость, несоответствующая его возрасту. Может быть, гр. Воронцов (Министр Императорского Двора и личный друг Александра III. — *И. С.*) не был неправ, когда он сказал мне, что Наследник, которому тогда было 26 лет, на самом деле — мальчик 14 лет; если это было и преувеличено, то не намного. Меня удивляло, что Наследник, за все пребывание мое в Ливадии, зная мою близость к больному отцу его, ни разу даже не попытался узнать у меня истинное положение дела. Он, казалось, не сознавал близкого конца отца и предстоящего ему в ближайшем времени восшествия на престол, что должно было немало его тревожить. Я настолько беспокоился об этом, что через кого-то посоветовал Цесаревичу вызвать к себе Лейдена и наедине переговорить с ним. Наследник это сделал, но, по словам Лейдена, сказанным мне, я получил впечатление, что сделал он это только *pro forma*. В общем у меня создалось впечатление, что Наследник совершенно не оценивал всего значения для России и для него самого происходившего в Ливадии. Мне казалось, что все время он, для будущего Самодержца, держал себя слишком пассивно, ни в чем не проявляя своей личности, и, не скрою, это пугало меня за наше будущее. Некоторым подтверждением справедливости моих

* Бушков А. А. Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы. М.: ОЛМА-ПРЕСС: СПб.: Нева; Красноярск: Бонус, 1998. С. 495–496.

сомнений послужило мне следующее обстоятельство: на другое утро после смерти государя, я еще взволнованный выходил из дворца и на подъезде встретил молодого царя, о чем-то разговаривавшего с графом Воронцовым. Здороваясь, я спросил молодого Государя, как он провел ночь, и добавил: «Представляю себе, какие тяжелые минуты вы должны были пережить за эти последние сутки». Молодой государь, казавшийся на вид совершенно спокойным, ответил мне: «Мы с графом так воспитаны, что ни в какие, даже самые тяжелые минуты, не волнуемся и не теряем присутствия духа». Не скрою, что эта фраза меня очень удивила, и я потом не раз вспоминал ее. Странно было слышать эти слова от молодого человека, только что потерявшего любимого всеми отца и менее суток тому назад принявшего на себя всю тяжесть ответственности, падавшей на самодержавного царя России, да еще сказанные человеку, близко стоявшему к отцу и имевшему возможность хорошо оценить только что произошедший исторический момент... Сказать это мог только ребенок, не сознающий свое положение и не переживший всей остроты момента, или человек до болезненности самоуверенный, не ясно сознающий то, что он говорит. Я ушел и долго думал об этих словах молодого царя, сильно меня смутивших в отношении того, что нас ожидало в будущем царствовании... Теперь я вполне понял эти слова, как чрезвычайно характерные для личности Государя Николая II»*. Впрочем, об отношении Николая Александровича к бремени перешедшей к нему власти есть и иное свидетельство (впрочем, тоже не в пользу столь распространенных сегодня писаний о гениальности Наследника). Великий князь Александр Михайлович пишет: «Смерть Императора Александра III окончательно решила судьбу России. Каждый в толпе присутствовавших при кончине Александра III родственников, врачей, придворных и прислуги, собравшихся вокруг его бездыханного тела, сознавал, что наша страна потеряла в лице государя ту опору, которая препятствовала России свалиться в пропасть. Никто не понимал этого лучше самого Ники. В эту минуту в первый и в последний раз в моей жизни я увидел слезы на его голубых глазах. Он взял меня под руку и повел вниз в свою комнату. Мы обнялись и плакали вместе. Он не мог собраться с мыслями. Он сознавал, что сделался им-

* *Вельяминов Н. А.* Воспоминания об Императоре Александре III-м. С. 309.

ператором, и это страшное бремя власти давило его. «Сандро, что я буду делать! — патетически воскликнул он. — Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть Царем! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами. Помогите мне, Сандро!» Помочь ему «Мне, который в вопросах государственного управления знал еще меньше, чем он!»* Историк А. А. Искандеров приводит следующую информацию: «Мария Федоровна была против женитьбы Николая II на гессенской принцессе Алике. После неожиданной кончины Александра III она вынашивала идею провозглашения новым императором брата покойного Владимира Александровича и отказывалась присягнуть своему сыну Николаю II, считая, что тот не готов еще для столь высокой и ответственной миссии, как управление великой империей. Как отмечают некоторые источники, все находившиеся тогда в Ливадии министры, высокие придворные чины были ошеломлены таким поведением императрицы Марии Федоровны и опасались дворцового переворота. Положение спас тогда одесский генерал-губернатор граф А. И. Мусин-Пушкин, действовавший решительно: прибыв в Ливадию, он вошел в апартаменты императрицы, сообщив о провозглашении новым императором Николая II (См.: Николай II-й Романов. 1894–1917 гг. По иностранным и русским источникам. Пг., 1917. С. 12)**». Правда, ни у кого из мемуаристов об этом инциденте нет ни слова, но, как бы там ни было, А. А. Мосолов пишет о «гениальности» Николая II примерно то же самое: «Государь вступил на престол 26-ти лет, когда характер его еще не сложился окончательно (?! Это сколько же нужно складываться? — *И. С.*) и когда он по недостатку опыта еще не приобрел навыка понимать людей»***.

А дальше начались ошибка за ошибкой — то, что советский историк Касвинов верно охарактеризовал как «двадцать три ступени вниз» (Николай II правил 23 года; в подвал Ипатьевского дома вели 23 ступени...). Вот что пишет о царствовании Николая II монархист-государственник Л. А. Тихомиров (1852–1923):

* Цит. по: «Григорий Распутин». Сборник исторических материалов. В 4-х томах. Т. 1. С. 32.

** *Искандеров А. А.* Российская монархия, реформы и революция // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 127–143. С. 143.

*** *Мосолов А. А.* При дворе последнего Российского Императора. Записки Начальника Канцелярии Министерства Императорского Двора. С. 35.

«Промелькнуло царствование Александра III. Началось новое царствование. Нельзя придумать ничего более противоположного! Он просто с первого дня начал, не имея даже и подозрения об этом, полный развал всего, всех основ дела отца своего и, конечно, даже не понимал этого, т. е., значит, не понимал, в чем сущность царствования отца. С новым царствованием на престол взошел «русский интеллигент», не революционного, конечно, типа, а «либерального», слабосильного, рыхлого, «прекраснодушного» типа, абсолютно не понимающего действительных законов жизни»*. Первым видимым ударом по авторитету царя стало его поведение после Ходынской катастрофы в мае 1896 г. Пострадало множество народа, от 1300 до 5000 человек (точная цифра неизвестна) было раздавлено насмерть в давке; вдобавок поле, отведенное для раздачи подарков, было изрыто глубокими ямами, которые «догадливо» прикрыли досками и землей**... Царь не послушал тех из великих князей, которые уговаривали императора объявить траур и прекратить коронационные увеселения. Вел. кн. Николай Михайлович говорил: «Помни, Ники, кровь этих пяти тысяч мужчин, женщин и детей останется неизгладимым пятном на твоём царствовании. Ты не в состоянии воскресить мертвых, но ты можешь проявить заботу об их семьях. Не давай повода твоим врагам говорить, что молодой царь пляшет, когда его верноподданных везут в мертвецкую»***. Несмотря на эти предостережения, Царская Чета присутствует вечером того же дня на балу, данном послом Франции, графом Монтебелло (хотя большой бал у австрийского посла, который готовили в противовес французскому, был отменен...)****. Вел. кн. Александр Михайлович: «Сияющая улыбка на лице Великого Князя Сергея заставляла иностранцев высказывать предположения, что Романовы лишились рассудка. Мы четверо покинули бальную залу в тот момент, когда начались танцы, и этим тяжко нарушили правила придворного

* Тихомиров Л. А. Из дневника // Красный архив. 1936. Т. 1 (74). С. 175.

** Ответственность за это страшное несчастье лежала на московском полицмейстере и его помощниках. Иногда называют виновником Великого князя Сергея Александровича. Сложно судить об этом с достаточной степенью уверенности.

*** Цит. по: «Григорий Распутин». Сборник исторических материалов. В 4-х томах. Т. 1. С. 34–35.

**** Боханов А. Н. Николай II. С. 179, 181–182.

этикета»*. Семьи всех пострадавших получили от царя материальную помощь (по 1000 рублей на семью и похороны за счет средств царя, учреждение приюта для осиротевших детей)**, но престиж престола был подорван, ибо оказалось, что для царя важнее мнение послов Франции, чем любовь своего народа и мнение общественности...

Кратко напомним основные вехи царствования Николая II.

1897–1901 гг. — частичные забастовки в Петербурге, Москве и в провинции; бесчисленные покушения на жизнь министров, губернаторов и чинов полиции; чрезвычайные меры, принимаемые для охраны молодого царя.

1902 г. — убийство министра внутренних дел Сипягина.

1904 г. — убийство министра внутренних дел Плеве.

1905 г. — начало несчастной русско-японской войны.

9 января 1905 г. — Кровавое Воскресенье. Убито и ранено двести рабочих.

4 февраля 1905 г. — убийство Вел. Кн. Сергея Александровича. Ввиду переполнения Москвы террористами полиция просит царскую фамилию не присутствовать на похоронах.

6 июня 1905 г. — восстание на Черноморском флоте.

12 октября 1905 г. — Петербургский Совет рабочих депутатов объявляет всеобщую забастовку.

17 октября 1905 г. — уступки требованиям революционеров. Отмена цензуры печати, дарование гражданских свобод: свобода собраний, митингов и забастовок, свобода составления политических партий. Объявление Манифеста о созыве Государственной Думы. Декабрь 1905 г. — правительство вынуждено принять чрезвычайные меры для благополучного возвращения армии с японского фронта и охраны Сибирской железной дороги от покушений революционеров. Декабрь 1905 г. — Московское восстание. Из Петербурга отправлен Лейб-гвардии Семеновский полк.

27 апреля 1906 г. — открытие I Государственной думы.

Весна-лето 1906 г. — крестьяне жгут помещичьи усадьбы в Центральной России. Убит ряд губернаторов, военных и чинов полиции.

* Цит. по: «Григорий Распутин». Сборник исторических материалов. В 4-х томах. Т. 1. С. 35.

** Боханов А. Н. Николай II. С. 180.

7 июля 1906 г. — роспуск I Государственной Думы. Назначение П. А. Столыпина Председателем Совета министров и организация им планомерной борьбы с революционерами.

12 августа 1906 г. — взрыв бомбы на даче Столыпина на Аптекарском острове. Ранены дети Столыпина, убито и ранено множество должностных лиц.

Зима 1906–1907 гг. — серия налетов и ограблений, организованных революционерами для пополнения партийной кассы. Ввод чрезвычайного положения во многих крупных центрах.

3 июня 1907 г. — роспуск II Госуд. Думы, еще более оппозиционной, чем Первая: с трибуны была оскорблена русская армия.

Осень 1907 г. — выборы в Госуд. Думу проходят по новому избирательному закону, который обеспечивал более широкое участие в законодательной деятельности представителей земской России.

1908–1911 гг. — меры, предпринятые Столыпиным, восстанавливают порядок. Расцвет промышленности и банковского дела достигает невиданных до той поры размеров. Ввод законов о «стольпинском землеустройстве».

14 сентября 1911 г. — убийство Столыпина Богровым в Киевском городском театре.

30 июля 1914 г. — приказ о всеобщей мобилизации. Первая мировая война.

Март 1917 г. — отречение Николая II от престола.

Итак, что мы видим? Если бы не реформы Столыпина и его решительные действия по отношению к Думе, Россия скатилась бы в пропасть намного раньше*** (кстати, очень многие наши

*** А. А. Бушков, историк: «...не стоит забывать и о провалившемся «плане Кутлера». Николай Николаевич Кутлер (1859–1924) — русский государственный и политический деятель, юрист по образованию. В 1905–1906 годах, занимая пост главноуправляющего землеустройством и земледелием, он подготовил проект отчуждения частновладельческих земель в пользу крестьянства. Кутлер и два его соавтора (профессор-экономист Кауфман и директор департамента государственных имуществ Риттих) предлагали передать крестьянам 25 миллионов десятин государственных и помещичьих пахотных земель — задолго до Столыпина. Несмотря на то, что предусматривалось взыскание с крестьянства огромного выкупа, даже превосходившего платежи реформы 1861 г., несмотря на то, что к передаче крестьянам были намечены в основном земли «впусте лежащие, а также земли, обычно сдаваемые владельцами в аренду», Николай II отклонил проект. С. Ю. Витте, в то время еще остававшийся главой правительства,

поддержал Кутлера, представив царю доклад со следующей примечательной фразой: «Представляется предпочтительным для помещиков поступиться частью земли и обеспечить за собой владение остальной землей, нежели лишиться всего». Николай поставил две резолюции: «Частная собственность должна остаться неприкосновенной», «Кутлера с его должности сместить». Стоит ли удивляться, что после революции Кутлер перешел к большевикам и работал в Наркомфине и в правлении Госбанка? Стоит ли удивляться, что с 1908 по 1913 г. в стране было зарегистрировано около двадцати двух тысяч (!) крестьянских выступлений? Винить в этом кучку большевиков нелепо. Продолжался старый, как мир, спор меж землепашцем и феодалом — причем феодал был настолько туп, что сопротивлялся любым переменам, своими руками вырыв себе могилу...

Опять-таки в последние годы укрепилось ничего общего не имеющее с исторической правдой убеждение, будто «русский крестьянин кормил всю Европу, продавая за границу зерно». Более нелепое утверждение трудно себе представить — поскольку сохранилось множество справочников, энциклопедий, мемуаров, свидетельствующих, кто именно «кормил Европу». Крестьянин-единоличник здесь совершенно ни при чем. Все до единого зернышка, вывозимое на экспорт, было произведено в хозяйствах южнорусских и новороссийских помещиков. Как говорят на Западе — латифундистов. Вывозимое зерно было собрано с помощью наемной рабочей силы и передовой по тому времени сельскохозяйственной техники — и то, и другое могли себе позволить лишь крупные помещики. Латифундисты. Владельцы «агропромышленных комплексов». «Фермер» здесь ни при чем. Да и не было в России «фермеров»... «Ферма» — это отдельно расположенное крестьянское хозяйство, по-русски — хутор. В России же, как во многих других странах, были деревни — места компактного проживания земледельцев, окруженные полями. «Ферма» и «деревня» — совершенно разные вещи...

Вернемся к крестьянам-единоличникам. Они как раз никакого зерна в Европу не вывозили и не могли вывозить — по той простой причине, что из-за малого количества земли и почти первобытного уровня ее обработки не способны были производить излишки. «И я не тому дивлюсь, что бывали восстания крестьян, а нужно дивиться тому, что их было все же очень мало», — пишет митрополит Вениамин. Русская деревня до революции хронически голодала — то непреложная истина, опровергающая сказочки о «кисельных берегах». Надежным свидетелем может послужить автор написанных в эмиграции воспоминаний А. Н. Наумов, бывший в 1915–1916 гг. министром земледелия. Он участвовал в борьбе с «самарским голодом» еще в конце прошлого века, когда «небывалые недороды 1897–1898 гг. повлекли за собой почти повсеместное недоедание, а в ряде районов настоящий голод с его последствиями — цингой и тифом». «Что же мне пришлось увидеть? Россия фактически не вылезает из состояния голода то в одной, то в другой губернии, как до войны, так и во время войны». Видный сановник Ламздорф оставил схожие воспоминания: «От просящих хлеба нет прохода. Окружают повсюду толпой. Картина душераздирающая. На почве голода тиф и цинга». Мало того, министр иностранных дел

монархисты, восхваляя ум и проницательность Столыпина, его преданность Царю, почему-то не задумываются над тем, что он крайне негативно относился к Распутину. Или даже и Столыпин был слеп?..). К 1917 г. рядом с Государем таких людей уже не было, но виновен был в этом только он, буквально отбивавший у людей охоту работать с ним, а также государыня с ее роковой убежденностью в святости Распутина. Посол Франции в России М. Палеолог пишет: «Не знаю, кто сказал о Цезаре, что у него “все пороки и ни одного недостатка”. У Николая II нет ни одного порока, но у него наихудший для самодержавного монарха недостаток: отсутствие личности. Он всегда подчиняется. Его волю обходят, обманывают или подавляют; она никогда не импонирует прямым и само-стоятельным актом. В этом отношении в него много черт сходства с Людовиком XV, у которого сознание своей природной слабости поддерживало постоянный страх быть поработленным. Отсюда у того и другого и равной степени наклонность к скрытности»*. А. Н. Шварц, министр народного просвещения в 1908–1910 гг. и член Государственного Совета в 1907–1914 гг. (†1915 г.), пишет о Государе: «Безучастие его к делу, как мне кажется, более всего выражалось в том, что он подписывал, по-видимому, буквально все, что подавали ему министры. Когда подумаешь, какие разнообразные проходили перед ним люди, какие невозможные ему подавали доклады и как эти доклады не походили один на другой, а между тем все скреплены были его согласием — просто диву даешься. Утверждал он, по-видимому, дела, которым даже не сочувствовал:

Гире «в ужасе от того, как относятся к бедствию Государь и интимный круг императорской семьи» Царь... не верит, что есть голод! За завтраком в тесном кругу «он говорит о голоде почти со смехом». Находит, что раздаваемые пособия только деморализуют народ, вышучивает тех, кто уезжает в губернии, чтобы наладить помощь. Такое отношение к бедствию «разделяется, по-видимому, всей семьей» (*Бушков А. А.* Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы. С. 499–501) ... Насчет того, что, мол, Россия «кормила пол-Европы» и это есть лучшее доказательство того, что все до революции в нашем сельском хозяйстве было прекрасно — см. также: *Булдаков В.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия М.: Росспэн, 1997. С. 69–70. Кроме того, есть один вопрос: почему же тогда деревня поддержала революцию в 1905–1907? И почему она поддержала красных, а не белых?..

* *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М.: Политиздат, 1991. С. 242.

выслушивая, например, доклад Столыпина о вольнослушательницах, о котором мы очень много с ним случайно говорили, он чувствовал что-то неладное в докладе и пытался отмахнуться от него словами “Я бы не хотел обидеть Шварца” — и, однако, подписал; при чтении моего особого мнения по поводу процентной нормы для учениц-евреек женских гимназий он даже прямо сказал Столыпину, что он согласен со мной, а не с большинством Совета и что ему очень бы не хотелось утверждать мнение большинства — и утвердил. И т. д.»*. С. В. Рухлов, министр Путей сообщения в 1909–1915 гг., член Государственного Совета, в минуту откровенности сказал А. Н. Шварцу: «Боже Вас сохрани хоть в чем-либо положиться хотя бы на секунду на Государя: никого и ни в чем он поддержать не может»**. Д. С. Сипягин, министр Внутренних дел и шеф жандармов (1899–1902 гг.), говорил даже о «коварстве» Государя, а П. Д. Святополк-Мирский, с 1900 г. товарищ министра Внутренних дел и шеф жандармов, министр Внутренних дел в 1904–1905 гг., отзывался о Николае II так: «Государь, которому ни в чем нельзя доверять, ибо то, что он сегодня одобряет, завтра от этого отказывается, не может установить в империи спокойствие»***. М. В. Лемке, офицер, бывший в Ставке военным цензором, подробно описывая все происходившее в своем «Дневнике», замечает: «Царь малодушен. Если он причиняет кому-нибудь неприятность, то до последнего момента скрывает ее. Так было с начальником Генерального Штаба Ф. Ф. Палициным. Подписав его отставку, он сказал во вторник, что в среду ждет, в среду говорил ему любезности, а в четверг тот узнал об отставке; так же дважды было с Ванновским: при оставлении поста военного министра и министра просвещения»****. Все это позволило известному русскому юристу А. Ф. Кони считать, что Николай II не имел сердца, а «трусость и предательство прошли красной нитью через все его царствование»*****. Генерал А. А. Киреев, неославянофил, негласный корреспондент Николая II,

* Шварц А. Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М.: Греко-латинский кабинет, 1994. С. 60–61.

** Там же. С. 66–67.

*** Там же. С. 127.

**** Лемке М. К. 250 дней в Царской Ставке. Пг., 1920. С. 219.

***** Цит. по: Фирсов С. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб.: РХГИ, 1996. С. 134–135.

прекрасно знавший «сферы» и многих архиереев и чиновников, не переваривавший идей демократии и свободы на западный манер, человек самых правых политических взглядов, писал о Николае II так: «Царь до такой степени шаток, что на него нельзя рассчитывать»*, и еще: «Царя некоторые обвиняют в фальшивости, в лукавстве. Не думаю. Такие у него добрые хорошие глаза! На его слово трудно положиться не потому, что он лукавит, а просто потому, что он меняет мнение»**. Военный министр России в 1905–1909 гг. А. Ф. Редигер*** (1853–1920) пишет в своих «Воспоминаниях военного министра»: «Я предъявлял к самодержавию большие требования: самодержец должен чувствовать себя слугой государства и, отлагая в сторону все свои личные интересы и симпатии, ставить впереди всего интересы России; он лично должен быть безупречным, без фальши, верным своему слову и твердым в принимаемых решениях. Всем этим требованиям государь не удовлетворял...»****. Поэтому В. Кобылин напрасно негодует на ген. Лукомского за следующую фразу: «Мало ли что государь находит достойным одобрения! Всем вам ведь известна неустойчивость его взглядов. Если сегодня Его Величество так отозвался, это не значит, что завтра он не изменит своего решения!..»*****. Горькая правота этих слов, как видим, подтверждается многими, на себе испытавшими «любезность» Николая II. Вот почему от государя отходили (т. е. одни — потому что были масонами, а другие — в силу личных качеств Николая II и его жены...). Приехавший из Румынии в Россию А. Мосолов, прекрасно знакомый с государем и любимый им — и, несомненно, любящий его — не остался в России, а вернулся в посольство в Румынию: «В декабре 1916 года я приехал из Румынии и имел разговор с императрицею, вызвавший во мне раздумье и сомнение,

* Цит. по: Там же. С. 27–28, 131 (прим.).

** Там же. С. 117.

*** А. Ф. Редигер был уволен из министров за то, что не стал на докладе в Думе 23 февр. 1909 г. лгать и заявил, что высший командный состав нашей армии оставляет желать весьма лучшего. Только за эти правдивые слова он и был уволен (см.: *Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра*. Т. 2. М.: Каон-пресс-ц, Кучково поле, 1999. С. 277–280).

**** *Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра*. Т. 2. М.: Каон-пресс-ц, Кучково поле, 1999. С. 284.

***** *Кобылин В. Анатолия измены: Император Николай II и Генерал-адъютант М. В. Алексеев. Истоки антимонархического заговора*. СПб., 1998. С. 161.

не должен ли я остаться в Петрограде. Ее Величество правильно сказала мне: «Критикуют все, на помощь никто не решается». Я тогда же думал о том, что мне делать. Тошнило при мысли опуститься в грязный омут распутинского управления. Думалось, что только замараюсь и не помогу. Я чувствовал, что бессилён помочь и графу. Болезнь ощутительно сократила его волю, и он поддался самым разнообразным влияниям. Простое и здоровое чувство самосохранения говорило мне: «Беги от того, чему помочь не можешь». И я бежал в Яссы*.

А война 1914 г.? А. А. Бушков: «О «готовности» России к первой мировой войне авторитетно может поведать А. И. Деникин: «Положение русских армии и флота после японской войны, истощившей материальные запасы, обнаружившей недочеты в организации, обучении и управлении, было поистине угрожающим. По признанию военных авторитетов, армия вообще до 1910 г. оставалась в полном смысле слова беспомощной. Только в самые последние перед войной годы (1910–1914) работа по восстановлению и реорганизации русских вооруженных сил подняла их значительно, но в техническом и материальном отношении совершенно недостаточно. Закон о постройке флота прошел только в 1912 г. Так называемая “Большая программа”, которая должна была значительно усилить армию, была утверждена лишь... в марте 1914 г. Так что ничего существенного из этой программы осуществить не удалось: корпуса вышли на войну, имея от 108 до 124 орудий против 160 немецких и почти не имея тяжелой артиллерии и запаса ружей». В числе главных причин этого Деникин называет «нашу инертность, бюрократическую волокиту, бездарность военного министра Сухомлинова — «совершенно невежественного в военном деле»... Ситуация усугублялась еще и тем, что русская армия то и дело шла в наступление совершенно не подготовившись — поскольку союзники, терпевшие поражение за поражением, панически просили помочь, — и полк за полком ложился костью, спасая «цивилизованных» французов и англичан...»**... Последней возможностью многое исправить (перед Февральской революцией)

* Мосолов А. А., генерал. При дворе последнего Императора. Записки Начальника Канцелярии Министра Двора. СПб.: Наука (Санкт-Петербургское отделение), 1992. С. 167.

** Бушков А. А. Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы. С. 502.

было назначение А. Ф. Трепова Председателем Совета министров. Трепов пытается «составить министерство, подающее надежды», а если это ему не удастся, то «ему придется уйти, т. к. он считает, что положение безвыходно»*. Все просьбы Трепова об отставке неподходящих ему министров Государь подписал, кроме указа об отставке Протопопова: «В последнюю минуту доклада царь оставил его у себя в столе, сказал: «Оставьте его мне. Я вам его пришлю еще сегодня вечером или завтра утром»**. Но Протопопов так и не был уволен с поста министра внутренних дел — ясно, что Распутин и Александра Федоровна, без разрешения которых Николай II не мог решить судьбу Протопопова, восстали против его отставки — и уйти пришлось Трепову, т. к. его попытка дать Распутину даже взятку (200000 руб. и оплата квартиры в Петербурге), лишь бы тот не вмешивался в назначения министров***, не удалась: Распутин сыграл перед царской четой роль «неподкупного Друга» и лишь упрочил свое положение, а Трепов, не в состоянии, как и любой нормальный человек, работать с Протопоповым, ушел в отставку через несколько недель, сдав обязанности князю Н. Д. Голицину. Все это Мосолов прокомментировал так: «Окончательный провал России начался»****.

Вербующие почитателей Николая II пишут о его «необыкновенно добрых глазах», «кротости и смирении» и т. д. Однако практически любой историк скажет вам, что, при всем обаянии, присутщем последнему императору, эти «кротость и смирение» и т. п. были, на деле, ничем иным как слабоволием и бесхарактерностью. Историк А. Н. Боханов, автор серьезной работы о Николае II, сравнивая последнего императора с его отцом, Александром III, пишет о «параличе государственной власти» в правление Николая II, «так как Николай II в силу деликатности натуры почти не прибегал к серьезным наказаниям в тех

* Мосолов А. А., генерал. При дворе последнего Императора. Записки Начальника Канцелярии Министра Двора. С. 16.

** Там же. С. 16.

*** Трепов при этом сказал интересную фразу: «За это я требую, чтобы он не вмешивался в назначение министров и высших чинов управления. Относительно духовенства, если он на этом будет настаивать, я обещаю в это не вмешиваться. Но чтобы он ко мне не приходил — если что нужно, то через тебя это будет делаться» (Мосолов А. А., генерал. При дворе последнего Императора. Записки Начальника Канцелярии Министра Двора. С. 17).

**** Там же. С. 19.

случаях, когда его распоряжения не исполнялись и даже откровенно игнорировались. С его же отцом шутки были плохи. Расхлябанности, неделовитости и краснбайства терпеть не мог, о чем знали все»*. Не надо думать, что такая оценка — выводы пристрастных историков. Так же точно оценивал силу воли Николая II и всероссийский праведник о. Иоанн Кронштадтский: «В христианском государстве исчезло всякое подчинение, всякая власть, — говорил он в слове, произнесенном в 1905 году в день очередной годовщины восшествия на престол императора Николая II. — Дети не признают власти родителей, подчиненные — власти начальства, воспитанники — власти воспитателей, студенты не признают власти профессоров и ректоров, все взяли в руки свои дирижерские палочки и все стали повелевать вместо того, чтобы самим спокойно и без претензий, как бывало прежде, повиноваться и учиться. Выходит что-то загадочное, несуразное. Духовное руководство, священная власть Церкви — поправны, богослужение пренебрегается, проповедь бессильна, нравственность христианская более и более падает, анархия растет, мальчики и девочки — и те взяли волю свою». А далее — главное: «Да где же, — восклицает отец Иоанн, — власть сильная, авторитетная, самосознающая, ответственная, Богом учрежденная и от Него получающая свою силу и свой страх? Возьми, ты, — продолжает он, обращаясь к императору, — власть, данное тебе от Бога право, и твердою рукою держи данные тебе от Бога скипетр и державу, и будет страшна всем врагам Божиим и твоим. Тогда, увидев твой скипетр и державу в крепких руках, все злые будут праведно бояться тебя, а добрые — радоваться»**.

Однако твердости у Николая II не было никогда. Об этом постоянно пишет ему жена***, об этом проговаривается и он сам. Историк А. Н. Боханов: «В 1896 году командующий войсками

* Боханов А. Н. Николай II. С. 83. Историк В. Булдаков резюмирует: «...император, не обладавший ни волей, ни инстинктом власти, стал “лишней” фигурой для державы. Патерналистская власть перестала привлекать, а это должно быть ей органически присуще. Но она же не научилась внушать трепет...» (Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия М.: Росспэн, 1997. С. 50).

** Иоанн Сергиев, протоиерей (святой праведный Иоанн Кронштадтский). Новые слова, произнесенные в 1905 году. Кронштадт: тип. газеты «Котлин», 1906. Изд. 1-е. С. 120–121.

*** См. выдержки из переписки царской четы в приложении.

гвардии великий князь Владимир Александрович открыто проигнорировал прозвучавший как просьба приказ царя о назначении на должность в гвардии одного офицера. Монарх был уязвлен и написал своему дяде: «Чтобы только не ссориться и не портить семейных отношений, я постоянно уступаю и в конце концов остаюсь болваном, без воли и без характера. Теперь я тебя не только прошу, но и предписываю исполнять мою волю». Но все оставалось по-прежнему. Наконец в начале 1897 года дело дошло до скандала. Повод был частный, но характерный. Царская чета посетила спектакль в Мариинском театре, а затем, как нередко до того бывало, ужинала в своих апартаментах при театре. Без предупреждения туда вдруг пришел дядя Владимир с тетей Михень в сопровождении каких-то незнакомых царю и царице лиц. Мало того: Мария Павловна пригласила этих людей к столу. Это было возмутительно. Николай II был оскорблен, а Александра Федоровна просто клокотала от негодования. Они покинули застолье тотчас. После инцидента император написал письмо дяде, в котором заявил: «Моя жена и я (Вот это очень характерно — «жена», а потом уже «я». — *И. С.*) считаем это совсем неприличным и надеемся, что такой случай в той или другой царской ложе больше не повторится! Мне было в особенности обидно то, что вы сделали это без всякого разрешения с моей стороны. При Папа ничего подобного не случилось бы; а ты знаешь, как я держусь всего, что было при Нем (Правда, на деле этого не было видно... — *И. С.*). Несправедливо пользоваться теперь тем обстоятельством, что я молод, а также ваш племянник...»*.

Вмешательства Александры Федоровны в политику и в дела государя начались с 1902 г., когда Николай II заболел в Ливадии тифом. По воспоминаниям Мосолова, связь между царем и министрами осуществлял в это время граф Фредерике. Именно тогда граф впервые столкнулся с диктатом А. Ф., причем государь не возражал против того, что его жена командует уже не только в семье, но и в государстве. Началось с того, что «Государыня заявила Фредериксу, что никого к государю не пустит, и лишь после долгих уговоров сказала, что он сможет видеть царя на следующее утро... Государь обещал уговорить (! — *И. С.*) императрицу, чтобы она на все время болезни разрешила Фредериксу приходить в опочивальню... По мере того, как болезнь затягивалась,

* Боханов А. Н. Николай II. С. 153–154.

а государыня весьма часто запрещала графу говорить с государем о делах, разрешение многих спешных докладов замедлялось... Во время одного из докладов министра двора государыня прервала его, решив, что он утомляет царя... Со дня заболевания государя императрица явилась строгим цербером у постели больного, не допуская к нему не только посторонних, но и тех, кого желал видеть сам государь (?! — *И. С.*). Министра двора она согласилась ежедневно допускать в комнату императора, но часто заставляла его оставаться за ширмой, не показываясь и не разговаривая с государем... Императрица отдавала приказания непосредственно ему подчиненным лицам, которые уже затем докладывали о полученных указаниях, причем добавляли, что государыня приказывала о своих распоряжениях не говорить...»*. Вообще, Мосолов делает следующий вывод: «В императрице за время болезни Государя особенно ярко сказались умственные способности и кругозор маленькой немецкой принцессы, хорошей матери, любящей порядок и экономию в хозяйстве своего дома, но не могущей по внутреннему своему содержанию стать настоящей императрицей, что особенно жаль, так как при твердости ее характера она могла бы помочь государю. Увы, горизонты мысли государыни были много уже, чем у государя, вследствие чего ее помощь ему скорее вредила. Странно, что две родные сестры, получившие одинаковое воспитание и образование так различались между собой»**. Историк А. А. Искандеров пишет: «При том постоянно нервном и душевном напряжении, в котором пребывала не отличавшаяся крепким здоровьем императрица (она часто жаловалась на сердце), она не должна была, казалось бы, заниматься другими, не семейными, делами и вмешиваться в такую сложную и крайне неблагоприятную (особенно в российских условиях) сферу, как политика и государственные дела. Однако, будучи властной и волевой натурой, она не могла быть сторонним наблюдателем, тем более, что лучше чем кто бы то ни был, видела слабости, присущие Николаю Александровичу, его вечные колебания и нерешительность, особенно там и тогда, где и когда следовало проявить решительность, силу воли и применить власть. По свидетельству П. Жильяра, влияние легко возбудимой

* *Мосолов А. А., генерал.* При дворе последнего Императора. Записки Начальника Канцелярии Министра Двора. С. 29–32.

** Там же. С. 32–33.

по природе Алике на Государя было « очень велико, но почти всегда губительно. Она сделала из политики вопрос чувства и личного предпочтения и слишком часто руководилась симпатиями или антипатиями — своими собственными, или своих окружающих ». Особенно усилилось это влияние после того, как государь принял на себя верховное командование, а императрица стала принимать все большее участие в государственных делах »*.

О том же, как «разбиралась» в людях императрица, говорит хотя бы ее разговор с Мосоловым о Протопопове. Мосолов: «Это сумбурный человек. <...> Я вчера его слушал весьма внимательно, но в течение трех часов разговора не заметил ни одной практически исполнимой мысли... Я бы принял самую малую должность, если бы чувствовал, что могу принести пользу Отечеству и исполнить Ваше желание. Но, повторяю, с таким сумбурным человеком я служить не мог бы ». Государыня: «Да, он очень нервен и часто увлекается»**. Подобного же рода превратными были ее представления и о многих других личностях (епископе Исидоре (Колоколове), имябожниках, епископе Варнаве (Накропине)) — на всех она смотрела глазами Распутина, а затем мешала государю проводить его политику в отношении назначений...

Сравнивая Николая и Александру, сразу можно (и нужно) сказать, что муж был в подчинении у жены, хотя иногда поступал и не так, как она ему советовала (преимущественно тогда, когда не был под ее непосредственным влиянием — в Ставке, например). Это видно и на фотографиях: добрый, ласковый, несколько слабовольный муж и властная, упрямая, не без капризов жена, знающая себе цену. Прекрасно видели это и окружающие. А. А. Мосолов: «Николай II не только любил жену — он был в нее положительно влюблен, даже с легким оттенком ревности: к вещам, к занятиям и людям, отвлекающим ее внимание от него... Впрочем, именно Ее Величество скорее проявляла ревность ко всему, что могло отделять ее от мужа... Все, что она не считала за работу, например: прием, разговор с посторонними людьми и т. п. — недолюбливала, как отнимающее у государя время, которое они могли проводить вдвоем... Она не признавала отклонений, увлечения какой-либо творческой мыслью, заставля-

* *Искандеров А. А. Российская монархия, реформы и революция. С. 130.*

** *Мосолов А. А., генерал. При дворе последнего Императора. Записки Начальника Канцелярии Министра Двора. С. 20.*

ющей думать вне законного времени»*. Протопресвитер Г. Шавельский: «Царь, добрый, сердечный, но слабовольный, был всецело подавлен авторитетом, упрямством и железной волей своей жены, которую он, вне всякого сомнения, горячо любил и которой был неизменно верен. По складу своей натуры он не был ни мистиком, ни практиком; воспитание и жизнь сделали его фаталистом, а семейная обстановка — рабом своей жены. У него выработалась какая-то слепая покорность случаю, несчастью, в которых он неизменно видел волю Провидения. Он любил повторять слова Спасителя: «Претерпевший же до конца спасется» (Мф 24: 13)**. Характеризуя императрицу, С. Ю. Витте пишет: «Если бы государь имел волю, то такая жена как Александра Федоровна, была бы соответственная. Она — жена императора, и только. Но несчастье в том, что государь безвольный. Кто может иметь на него прочное и непрерывное влияние? Конечно, только жена. К тому же она красива, с волею, отличная мать семейства. Может быть, она была неприятна для царя с волей, но не для нашего царя. В конце концов она забрала в руки государя. Несомненно, что она его любит, желает ему добра — ведь в его счастья ее счастье. Может быть, она была бы хорошою советчицею какого-либо супруга — немецкого князька, но является пагубнейшей советницею самодержавного владыки Российской империи...»***. Наконец, генерал Дубенский замечает: «Государь был в полном подчинении. Достаточно было их видеть четверть часа, чтобы сказать, что самодержцем была она, а не он. Он на нее смотрел как мальчик на гувернантку, это бросалось в глаза. Когда они выезжали и она садится в автомобиль, он только и смотрит на Александру Федоровну...»****. П. А. Столыпин: «Императрица больна, серьезно больна; она верит, что Распутин один на всем свете может помочь наследнику, и разубедить ее в этом выше

* Мосолюв А. А. При дворе последнего Российского Императора. Записки Начальника Канцелярии Министерства Императорского Двора. С. 25.

** Цит. по: «Григорий Распутин». Сборник исторических материалов. В 4-х томах. М.: «ТЕРРА» — «TERRA»; «Книжная лавка — РТР», 1997. Т. 2. С. 99.

*** Бычков С. Русская Церковь и императорская власть (очерки по истории Православной Российской Церкви 1900–1917 годов). Т. 1. М., 1998. С. 35.

**** Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 1998. — Тайны истории в романах, повестях, документах. Век XX. С. 5.

человеческих сил. Ведь как трудно вообще с ней говорить. Она если отдается какой-нибудь идее, то уже не отдает себе отчета в том, осуществима она или нет»*. И так, перед нами муж, безрассудно любящий свою жену и потому не умеющий держать ее в рамках того, что сам же считает верным, и жена, обладающая более сильным характером, чем характер ее мужа, но по-женски ограниченная и нервная.

Что же до Вырубовой, лучшей подруги государыни, над дружкой которых так приторно сейчас вздыхают, то очень удивительно, как государыня вообще могла иметь с ней что-то общее (удивительно, конечно, если считать государыню святой). Хотя надо сказать, что весьма странными выглядят отношения с Вырубовой царской четы вообще. А. Вырубова была влюблена (или разыгрывала эту влюбленность) в Николая II, и жена относится ко всему этому в своих письмах к мужу так (вообще-то, для любой нормальной женщины это недопустимо): «Посылаю тебе очень толстое письмо от «коровы»**. Это влюбленное существо должно было вылить всю свою любовь, — не могла больше ждать — иначе лопнула бы!»***; «А. шлет свое благословение, наилучшие пожелания, уверения в любви и поцелуи к Новому году» (Там же. С. 329); «Посылаю тебе прошение от нашего Друга... И потом опять письмо от А... Любовь моя, ведь ты сжигаешь ее письма, чтобы они не попали в чужие руки?»**** А как вам это: «Вот тебе объемистое любовное письмо от Коровы!... Прощай, голубчик, мой, а не ее, как она осмеливается называть тебя»?!***** Все это

* Бок М. П. Воспоминания о моем отце. М., 1992. С. 331.

** Так дружески государыня именovala лучшую подругу, Вырубову. Несомненно, все эти Суслики (это об архиерее, еп. Варнаве (Накропине)), Коровы и т. д., весь этот зоопарк — это очень духовно...

*** Платонов О. А. Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М.: Родник, 1996. С. 259.

**** Там же. С. 340, 341.

***** Там же. С. 367. Отношения двух подруг не были идеальными (как нам пытаются это изобразить сегодня). Императрица пишет мужу: «...завтра она собирается ко мне! О, Господи, а я-то так радовалась, что надолго избавилась от нее! Я стала эгоисткой после девяти лет и хочу иметь тебя, наконец, исключительно для себя, а теперь она будет часто тревожить нас по твоём возвращении, или будет просить, чтобы ее катали в саду, раз парк заперт (чтобы встречаться с тобой), и меня не будет, чтобы ей помешать... Я предвижу массу хлопот с ней, — все истеричность! Она уверяет, что ей делается дурно, когда толкнут ее постель, но может кататься по улице

странно, но для святых — особенно... Наконец, М. В. Лемке в своем изданном позднее дневнике приводит дословно списанную им телеграмму Вырубовой Государю в Ставку, присланную в день рождения государыни, 25 мая 1915 г.: «Государю императору. Горячо всем сердцем поздравляю, помоги всесильный Господь; серенький день, еду в собор, после в ванну; очень одиноко. Аня!»* Да нормальная жена гнала бы эту кокетку с ее эротическими двусмысленностями взащей!..

Теперь перейдем от семейной жизни последнего императора к его способам и методам управления. Надо сказать, что здесь возникает столько вопросов, что даже не знаешь, с чего начинать...

Историк В. Булдаков, написавший на основе работы с обширнейшим кругом источников и архивных материалов исследование «Красная смута», пишет следующее о последнем императоре и его правлении: «В сыскном ведомстве знали (Речь идет о 1900-х гг. — И. С.) и о революционерах и об оппозиционерах буквально все — вплоть до подробностей личной жизни»**. Вопрос: почему не сажали и не вешали вовремя, а позволяли печатать «Искру» и прочий бред? Почему Ленин жил в Шушенском как в доме отдыха, а не был расстрелян (или, хотя бы, почему не копал Беломорканал за пайку)? Правда, говорят, что царь не хотел нарушать Законы Российской империи. Надо было нарушить — в сторону ужесточения (и вообще, зачем нарушать — разве монарх не волен издать новые законы?!). Тут же добавим (для тех, кто говорит, что жестокостями ничего не добьешься, да и народ был уже не-

в трясучей колясочке!» (5 апреля 1915 г.) (Платонов О. А. Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М.: Родник, 1996. С. 118; см. с. 119). Или: «А. огорчена, что ей не удалось повидать тебя наедине. Я со своей стороны нахожу, что она становится спокойней, более нормальной и менее агрессивной, когда ей меньше представляется случая, потому что чем больше имеешь, тем большего желаешь. Если тебе необходимы беседы с ней, тогда, конечно, другое дело (? — И. С.). Но теперь она гораздо лучше переносит все это: ты ее выдрессировал, и вследствие этого характер у нее стал спокойнее, и мы не имеем больше никаких историй (? — И. С.). Она очень забавно рассказывала про телефоны, посещения и сплетни о нашем Друге, размахивая своей палкой и смеясь. О, как я страстно хочу тебя!!!» (3 марта 1916 г.) (Платонов О. А. Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М.: Родник, 1996. С. 382, 383).

* Лемке М. К. 250 дней в Царской Ставке. Пг., 1920. С. 832.

** Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. С. 42.

исправим): одновременно необходимо было дать свободу Церкви, а себя мыслить не патриархом, а властным правителем...

Известный публицист-монархист Михаил Меньшиков (1859–1918, расстрелян большевиками на глазах шестерых малолетних детей близ Иверского монастыря на Валдае) писал в своем дневнике: «7/20. VII... Днем. «Николай II расстрелян». Сразу пришло официальное известие. Тяжелая тоска на сердце. Зачем эта кровь? <...> Без суда, без следствия, по приговору какой-то кучки людей, которых никто не знает... При жизни Николая II я не чувствовал к нему никакого уважения и нередко ощущал жгучую ненависть за его непостижимо глупые, вытекавшие из упрямства и мелкого самодурства решения. Иначе как ненавистью я не могу назвать чувство, вспыхнувшее во мне после японского и затем немецкого поражения, когда выяснилось, что весь позор этот — следствие неготовности нашей и отвратительного подбора генералов и министров. Это я ставил в вину царю как хозяину. Ничтожный был человек в смысле хозяина. Но все-таки жаль несчастного, глубоко несчастного человека: более трагической фигуры «человека не на месте» я не знаю...»*. Император Николай II был, действительно, человеком не на месте. Как может управлять государством монарх, который не ощущает себя твердым главой даже в своей собственной семье? Историк В. Булдаков: «Властное начало стало захлестываться бабьими истериками в самом буквальном смысле слова. Императрица в письмах требовала от Николая II, чтобы он «был твердым» на манер Петра I, советовала даже «перевешать» лидеров Думы... Но, отвечая ей, Николай II иной раз иронично подписывался: «Твой слабый, безвольный муженек». Что может быть нелепее истерично-безвольной власти? И можно ли надеяться, что это останется незамеченным для подданных?»**;

«<...> те черты личности, которые привлекательны сегодня применительно к частному лицу, в тогдашней обстановке у повелителя 1/6 суши могли отталкивать. Царь действительно мог быть скромн, ровн и трудолюбив. Но кто доказал, что простой народ жаждал видеть в «Помазаннике Божиим» именно эти ка-

* Меньшиков М. О. Дневник 1918 года // Российский архив (История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Выпуск IV. М.: Студия «ТРИТЭ» — «Российский архив», 1993. С. 169.

** Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. С. 53.

чества? <...> Властитель издавна воспринимался как своего рода репрессивный гарант существования всех. Что бы ни говорили гуманнейшие из моралистов, историческое сознание масс никогда не поставит рядом «слезу невинного ребенка» и суровую необходимость выживания империи. Сам народ на этот счет рассудил своеобразно: царя- сыноубийцу он назвал «Грозным», царя-чадолюбца — «Кровавым»*. Здесь кстати будет вспомнить Шульгина с его «Пулеметов!..», его разговор двух особ («Ах, если бы царь ударил кулаком по столу!»). Впрочем, это ведь все впечатления очевидцев, а нам предлагают поверить, что некоторые, никогда царя в глаза не видевшие, знают его лучше, чем современники...

Чем больше знакомишься с обликом царской семьи, тем больше убеждаешься в том (это видно из воспоминаний хорошо знавших царскую семью лиц, а в первую очередь — из переписки и сохранившихся дневников царственной четы), что перед нами — люди очень хорошие, благородные, одним словом, душевные, но не духовные — не духовные настолько, чтобы можно было говорить о канонизации. В их переписке и дневниках (в том числе и за период, относящийся ко времени их заключения) мы не найдем того обсуждения духовных вопросов, той глубокой духовной работы над собой, которые характерны для писем людей, являющихся для нас примером святой жизни (оптинских старцев или того же прав. Иоанна Кронштадтского). Да, супруги глубоко любили друг друга, заботились о воспитании детей и т. д. Видно, что они горячо любили Россию. Но все это естественно для православного человека и для православной семьи. Царь и царица были обычными людьми, страстно (душевно, но еще не духовно)** любившими друг друга, проводившими обычную жизнь. Просто прочтите их переписку: житие святых Петра и Февронии производит все-таки иное впечатление...

Женившись на человеке, не знакомом с Православием с детства, государь, вследствие своего мягкого характера, подчинился мистически настроенной супруге***. В итоге царский дворец стал пристанищем экстрасенсов (Филипп, Распутин и, по некоторым

* Там же. С. 52, 53.

** См., к примеру: 160. С. 481, 538, 428.

*** Подробнее об этом см.: *Фирсов С.* Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1996 С. 114–151.

сведениям, сам Папюс). Кратко напомним о первом из них — «месье Филиппе».

Первый «Друг», месье Филипп (1849–1905?), был крестьянином-целителем из Лионса, евреем по национальности. Он был не рядовым гипнотизером: Папюс (доктор Жерар Энкокс (1860–1916), автор более 25 трудов по оккультизму и практической магии, член всех оккультных обществ и основатель международного мартинистского ордена) называл его своим духовным учителем*. После того, как «черногорки» организовали в Компьене 20 сентября 1901 г. встречу Николая II с Филиппом**, последний был приглашен в Россию***. Зная желание Царской Четы иметь сына, он за два месяца курсов гипноза сумел внушить Александре Федоровне ни много, ни мало — ложную беременность, так что она чувствовала даже все физические особенности этого состояния. Европейские газеты писали о приближении великого события в семье русского царя. Лишь через шесть месяцев, когда у царицы вдруг началось острое нервное расстройство, Александра Федоровна, несмотря на протесты Филиппа, согласилась на врачебный осмотр, который показал, что на деле ничего нет****. Однако Филипп был выслан из России даже не после этого вопиющего случая, а после того, как наш агент в Париже, Рачковский, передал сведения о том, что «Друг» — еврей, непосредственно связан с масонством и обществом «Гранд Альянс Израилет»*****. Уезжая, он подарил царице икону с колокольчиком (для распознавания «злых» людей) и предрек, что вскоре у нее появится новый «Друг», который вымолит ей сына...

* Серков А. И. История русского масонства (1845–1945). СПб., 1997. С. 67–68.

** Что до Папюса, то трижды приезжал в Россию для чтения лекций по магнетизму и оккультизму: в 1900, 1905 и 1906 гг. (Серков А. И. История русского масонства (1845–1945). СПб., 1997. С. 69–71). Вам две последние даты ничего не напоминают? Интересные совпадения... Кто же этого слугу дьявола в Россию-то пустил?

*** Там же. С. 69–71.

**** См. об этом: Александр Мих., великий князь. Из книги воспоминаний. («Григорий Распутин». Сборник исторических материалов. В 4-х томах. М.: «ТЕРРА» — «TERRA»; «Книжная лавка — РТР», 1997. Т. 1. С. 37–38); см. также: Гурко В. И. Царь и царица (Там же. С. 68); см. также: Серков А. И. История русского масонства (1845–1945). СПб., 1997. С. 69–71.

***** Родзянко М. В. Крушение Империи. См.: «Григорий Распутин». Сборник исторических материалов. В 4-х томах. М.: «ТЕРРА» — «TERRA»; «Книжная лавка — РТР», 1997. Т. 1. С. 248.

Поэтому, когда появился Распутин, он был принят как дар Божий. Сыграла, конечно, свою роль и его житейская пронизательность, а также хитрость и двойственность (см. в главе о нем): он умел мгновенно менять свое обличье, из сатира (как называют его многие мемуаристы) превращаясь в старца, в Серого Сибирского Странника... Об отношениях царя и царицы к Распутину в последнее время написано достаточно много, и, в основном, более-менее верно. Расходятся лишь мнения о личности самого Распутина. Мы посвящаем этому вопросу отдельную главу. Сейчас же необходимо сказать об отношении государя к Церкви*.

17 апреля 1905 г. был издан «Манифест об укреплении основ веротерпимости», который предоставил практически полную свободу деятельности инославным и нехристианским исповеданиям. Об издании этого манифеста Церковь не то что никто не спрашивал — ее даже не поставили предварительно в известность. Старообрядцы и некоторые сектанты получили законное право собираться для богослужений и проводить съезды для обсуждения своих проблем. За Православной Церковью оставалось исключительное право на миссионерскую деятельность. Церковь оказалась неподготовленной к такому повороту событий и не смогла воспрепятствовать массовым отпадениям лиц, считавшихся до сих пор православными, в католицизм, униатство, протестантизм, старообрядчество, сектантство и в нехристианские религии. «По данным на 1 января 1909 г., от Православия отпало около 301450 человек. Из них в католичество перешло около 233000, в лютеранство — 14500, отреклось вообще от христианства и перешло в магометанство 50000, в буддизм — 3400, в иудаизм — 400, в язычество — 150 человек»**.

* Отсылаем читателя к весьма интересной и справедливой в своих оценках главе «Русская Церковь и Царская Чета: к вопросу о религиозных взглядах Николая II и Александры Федоровны» в исследовании историка С. Фирсова «Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России»...

** *Острецов В. М.* Масонство, культура и русская история: Историко-критические очерки. Изд. 2-е, исправл. М., 1999. С. 416. Вот цифры из официального источника: «С 17 апреля 1905 г. до декабря 1907 г. по 9 епархиям западного и юго-западного края отпало в римо-католичество 170936 человек: в 14 епархиях Поволжских, Приуральских и Западно-Сибирских в магометанство отпало 36.299 человек: в лютеранство по 4 епархиям (3-м прибалтийским и Олонекской) — 10964 человека... Массовые отпадения тем сильнее должны были действовать на нетвердых в Православии лиц, что

«Манифест об укреплении начал веротерпимости» значительно укрепил позиции неправославных и нехристианских религиозных объединений. Государственная власть не позаботилась, однако, о том, чтобы вместе с этим, а еще лучше, несколько ранее, укрепить позиции Православной Церкви, предоставив ей право свободно распоряжаться собственными финансовыми ресурсами, созвать Поместный собор, освободить от чиновничьей опеки. Занимавший в это время пост Председателя Комитета министров Сергей Юльевич Витте, понимавший опасность для Православной Церкви и, в конечном счете, для государства создавшейся ситуации, обратился к митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию (Вадковскому), который, не возражая в принципе против укрепления начал веротерпимости, заявил, что «это в высокой степени несправедливо в отношении православной святой Церкви, ибо Православная Церковь не пользуется теми свободами, которыми предполагается наградить иные Церкви и иные вероисповедания»*. Однако, несмотря на все призывы

фактом быстрого и легкого перехода подрывалась самая мысль о православной вере как Господствующей религии» (Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по Ведомству Православного Исповедания за 1905–1907 годы. СПб.: Синодальная типография, 1910. С. 29, 34).

- * Смолитч И. К. История Русской Церкви: 1700–1917. М.: изд. Валаамского Спасо-Преображенского монастыря, 1996. Кн. 9. Ч. 1. С. 236. Совместно с профессорами СПбДА митрополит Антоний составил для Комитета министров документ под названием «Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви». Основной мыслью этого вопля отчаяния была мольба ослабить гнет Государства над Церковью. Владыка «настаивал на придании православному приходу прав юридического лица: «Возрождение и оживление прихода, от чего справедливо ожидают благодетельных последствий для народной и государственной жизни вообще, возможно только при условии децентрализации церковного управления, когда инициатива во многих делах, а равно и окончательное завершение их будут перенесены из центра в области и епархии». В записке митрополит Антоний ставил вопрос о желательности и других преобразований: «...Существует настоятельная... необходимость пересмотра некоторых сторон церковного управления, например, особенно церковного суда, прав и полномочий епархиальных съездов, участия в них мирян, как представителей приходов». Завершая эту краткую записку, митрополит Антоний говорил о необходимости создания Особого совещания представителей церковной иерархии, духовенства и мирян для пересмотра церковного управления и проведения необходимых реформ. Вопросы, подготовленные митрополитом Антонием, легли в основу более обширной и аргументированной записки «О современном положении Православной Церкви»,

подписанной Председателем Комитета министров С. Ю. Витте. Записка была разослана в феврале всем членам комитета, а также императору. Эта записка, в составлении которой приняли деятельное участие профессора Петербургской духовной академии, была составлена гораздо более резко, нежели вопросы митрополита Антония: «И духовная и светская печать одинаково отмечают общую вялость внутренней церковной жизни: отчуждение прихода и особенно образованных слоев общества от своих духовных руководителей: отсутствие живого проповеднического слова, общую слабость пастырской деятельности духовенства, ограничивающегося в большинстве случаев только совершением богослужения и требоисправлением; полный упадок церковной приходской общины с ее просветительными и благотворительными учреждениями: сухость и формальность епархиального, “консисторского” делопроизводства и узкобюрократический характер деятельности группирующихся около Синода учреждений». О давлении государства, о постоянном вмешательстве в строй церковной жизни в записке говорилось: «Все духовные обязанности членов Православной Церкви были строго регламентированы и расписаны статьями и параграфами, соответствующими нынешнему “Уставу о предупреждении и пресечении преступлений”». Здесь было предусмотрено и обусловлено всякое малейшее проявление религиозного духа и подробно предписано, как держать себя в храмах и соблюдать в них благопристойность и тишину, как стоять перед иконами, проводить праздники, ходить на исповедь и следить за твердостью в вере православных. Эти попытки полицейской регламентации не подающихся ей предметов и явлений духовной жизни несомненно вносили в церковную сферу мертвящее веяние сухого бюрократизма». В записке рассматривались и проблемы епископата: «В настоящее время наше церковное управление носит замкнутый канцелярский характер; иерархия сносится с народом чрез посредство бумаг, редко входя с ним в непосредственное живое общение. Причем постоянною преградой между Церковью и народом, и Церковью и Государем стоит светский бюрократический элемент. Говорить о церковной самодеятельности, самопочине или даже о взаимном живом общении между собою иерархии не приходится. Живую общественную жизнь и здесь заменила бумага». В записке затрагивался вопрос преодоления барьера, возникшего между духовенством и образованною частью общества: «Как показали последние годы, когда обнаружился значительный интерес образованного общества к религиозным вопросам, причину отчуждения его от Церкви нельзя видеть в одном религиозном индифферентизме и языческом характере нашей светской культуры. Причины коренятся, по-видимому, глубже — в самом складе церковной жизни, замершей, оторванной от волнующих общество интересов. Но во всяком случае, перед нами тот печальный факт, что духовенство оказалось бесильным примирить с Церковью и подчинить ее влиянию значительную часть образованного общества, что оно недостаточно подготовлено к борьбе с неблагоприятными Церкви умственными и нравственными течениями современной культуры». Записка завершается размышлениями о том, на каких путях возможно обрести выход из создавшегося положения: «Политика насилия над церковным сознанием, принеся, может быть,

и аргументы, Собор был созван лишь после падения власти «самого церковного и благочестивого царя». В этом — еще одна проблема для сторонников канонизации...

Историк А. А. Искандеров пишет о церковной политике самой императрицы: «Ни одно сколько-нибудь значительное назначение или перемещение по службе в Русской Православной Церкви не ускользало от ее внимания. Она следила за возведением служителей церкви в более высокий сан, влияла на решения Св. Синода, открыто демонстрировала свои симпатии или антипатии к тем или иным иерархам. В одном из писем Николаю II она настойчиво требовала: «Милый, останови этот проект назначения целого ряда новых митрополитов, он теперь обсуждается в Синоде, — поверь мне, это нехорошо, у нас нет подходящих людей, и это только навредит церкви. Сперва надо, чтобы наши епископы стали лучшими людьми, и тогда только мы можем подумать о том, чтобы сделать из них митрополитов, — теперь слишком рано, это наделает много вреда и приведет к еще большим трениям в церкви». Вмешательство императрицы лишь усиливало трения и разногласия в церкви, нарушало нормальный ход церковной жизни, наносило значительный вред авторитету церкви, ее влиянию в российском обществе. А состояние самой церкви было в те годы близким к плачевному. Протоиерей Д. Беликов писал профессору П. В. Верховскому: «Церковная жизнь в настоящее время остановилась. Она находится в состоянии оцепенения. Такое состояние, глубоко печальное само по себе, является губительным в смысле утраты церковью своего достоинства — такой утраты, какую приходится признать чуть ли не исключительным в церковной истории, — почти беспримерным явлением. Неверием или религиозным равнодушием захвачены, и очень глубоко, передовые классы нашего общества, простой народ уходит в сектантство или гибнет в деморализации. Гран-

некоторую государственную пользу в ближайшее время, в дальнейшем отразилась страшным вредом — тем упадком церковной жизни, с которым приходится считаться теперь... Двести с лишним лет мы не слышали голоса русской Церкви. Не пора ли, наконец, прислушаться к нему: не пора ли узнать, что скажет она о современном укладе церковной жизни, получившем место помимо ее воли и вопреки завещанным ей традициям священной старины?.. (Бычков С. Русская Церковь и императорская власть (очерки по истории Православной Российской Церкви 1900–1917 годов). Т. 1. М., 1998. С. 73–76).

диозная утрата в этом виде связана с другой, более существенной и важной. Церковь теряет свой авторитет. Странно, что такое плачевное положение нисколько не тревожит представителей нашей высшей иерархии. Наше белое духовенство не смеет выступать со своим голосом. Необходимо оживить церковную жизнь». «Вмешательство императрицы Александры Федоровны лишь углубляло неразбериху в церковной жизни России»*...

И после всего этого прот. В. Асмус смеет заявлять следующее: «За весь императорский период не было императора, столь близкого к Церкви, в такой степени жившего церковной жизнью, церковными интересами...»!** Лучше бы он держался от Церкви — управления Церковью! — подальше, ибо в результате его «близости к Церкви» этой самой Церковью управляла его жена***.

Говоря о том, что Николай II отрекся от престола по требованию Рузского, ссылавшегося на мнение Думы (поголовно масонской), нельзя обойти молчанием весьма интересный вопрос: это отношение Николая II к масонству. Огромный материал, к которому и отсылаем не зомбированного, а желающего разобраться в этом вопросе читателя, собран по этому вопросу историком В. М. Острецовым в его книге «Масонство, культура и русская история», в главе «Масонство и Николай II»****. Мы кратко приведем лишь основные недоумения данного исследователя, напоминая, что на все эти вопросы сторонники непогрешимости и сверх-святости Николая II также должны дать ответ.

Совершенно непонятный для канонизирующих Николая II лиц факт: масонство в России пережило две эпохи расцвета — при Александре I и при Николае II. По закону оно было под запретом, но Николай II совершенно не реагировал на донесения полиции о деятельности и составе лож. Не знать о них было просто невозможно: ежедневно царь читал газеты, а вся правая пресса

* *Искандеров А. А.* Российская монархия, реформы и революция. С. 140.

** *Асмус В., прот.* О канонизации Царя Николая Александровича // Радонеж. 1996. Сентябрь. № 17–20. С. 5.

*** При этом Александра Федоровна позволяла себе называть епископов, членов Святейшего Синода, «скотами», «большими скотами» и «злодеями» (см.: *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М.: Родник, 1996. С. 341, 229, 217).

**** *Острецов В. М.* Масонство, культура и русская история: Историко-критические очерки. С. 379–408 и др.

била в набат по поводу засилья масонства в стране*. Поэтому не надо, читая Платонова, думать, что народ в дореволюционной России о масонах не ведал — знали все, да сделать ничего не могли, ибо царь, по словам прав. Иоанна Кронштадтского, «спал»**... Никакой борьбы с масонством мы не видим***... Кроме того, когда наши монархисты пеняют царским родственникам за то, что они принадлежали к числу «вольных каменщиков», они как-то не задумываются: почему же тогда Николай II так хорошо к этим всем масонам-родственникам относился? Не знал? Не смешите. О масонстве Николай II говорил с масоном, великим князем Николаем Михайловичем, в ложах состояли вел. князь Александр Михайлович и Николай Николаевич****... Сам

* Там же. С. 379–381.

** Эти слова из дневника св. прав. Иоанна Кронштадтского мы приведем ниже.

*** Да, при Департаменте полиции был особый чиновник (один человек, даже не специальный отдел!) по надзору за масонством. Но, как мы видим на практике, никаких реально ощутимых плодов его деятельность не принесла. Помимо Департамента полиции, сведения о масонстве (о его деятельности не только в стране, но и в Европе) собирали и многие другие ведомства (см.: *Острецов В. М.* Масонство, культура и русская история: Историко-критические очерки. С. 381). «...Не было ни одного случая судебного или полицейского преследования за принадлежность к масонскому сообществу. <...> Заметим, что запрещения масонства никто не отменял. Его существование было незаконным» (Там же. С. 390, 399. См. подробнее на эту тему: Там же. С. 385 и далее). Да и немудрено: Николай II никак не реагировал на получаемые им из многочисленных источников сведения о масонах... Исследователь русского масонства Б. Башилов: «Когда изучаешь деятельность масонства в царствование императора Николая II, создается впечатление, что правительство и органы охраны подпали под влияние интеллигентской пропаганды, которая убедила их, что все толки о том, что масонство ведет вместе с сионизмом уже много веков планомерное наступление на христианство — есть плоды больного воображения маньяков-антисемитов. Если и предпринимались кое-какие меры против контрагентов масонства, различных политических группировок, партий и тех или иных обществ, то против самих масонов и масонских организаций никаких реальных мер не предпринималось. Масоны действовали совершенно открыто, на виду у всех. Немногочисленные органы печати и отдельные лица пытались привлечь внимание правительства и общества к масонско-сионистской опасности — но все напрасно. Они, как замороженные взглядом змеи кролики, не находили в себе сил, чтобы принять решительных мер к самозащите...» (*Башилов Б.* История русского масонства. Выпуски 16 и 17. М.: Наш современник, 1995. С. 208).

**** Там же. С. 387–388.

Николай II состоял в переписке с розенкрейцеровской ложей «Мезори»*... Наконец, опять всплывает загадочный личный вензель императора Николая II...

Еще одна непростая тема — это вопрос о политике российских императоров (и Николая II в частности) по отношению к евреям. Известно (надеюсь, что нашим патриотам известно), что эта политика была весьма странной. Евреи появились в Российской империи в большом количестве только после первого раздела Речи Посполитой при Екатерине II. Тогда же и была проведена пресловутая «черта оседлости». Вроде бы она не позволяла во многом подозреваемым евреям распространиться по всей империи и деять всякие пакости, так? А на деле было не так.

«Пределы черты оседлости и условия поселения были на протяжении всего этого периода различными, так же, как и правила, касающиеся неправоиспособности евреев, и колебались, подобно маятнику с ограниченной амплитудой колебаний. Были районы, в которых евреям разрешалось жить в городах, но не в деревне; районы, в которых они могли арендовать землю, но не владеть ею; им разрешалось открывать трактиры, даже в деревнях, причем у них могли неожиданно отобрать разрешение и средства к жизни; некоторое время еврейским ремесленникам было разрешено работать вне черты оседлости, но этой привилегии их лишили, когда выяснилось, что некоторые как бы ремесленники пользовались разрешением, чтобы вести небольшую торговлю или другую посредническую деятельность. В общем политика русского правительства заключалась в том, чтобы давать имущим и брать у неимущих. К примеру, еврейские дельцы, сумевшие стать купцами первой гильдии, т. е. владевшие крупными средствами, могли жить в любой части империи. Некоторые из них скопили огромные состояния и стали играть важную роль в экономической жизни страны (например, Поляков, Гинзбург, Бродский, Зайцев и другие). Свобода поселения распространялась также и на получивших высшее образование: на адвокатов, врачей, ветеринаров и т. п. Известные артисты также относились к этой категории»**.

«По данным переписи 1897 г. в России проживало чуть более 5 миллионов евреев, а к 1917 г. их уже насчитывалось 7 миллио-

* Там же. С. 390.

** Катков Г. М. Февральская революция. М.: Русский путь, 1997. С. 70.

нов 250 тысяч, что составляло более 4 процентов населения...»*.
«К концу XIX века участие евреев в культурной жизни России стало значительным, и все же ограничения оставались в силе даже для тех, на кого не распространялся закон о черте оседлости. Еврей не мог состоять на государственной службе, хотя государство так или иначе пользовалось услугами многих евреев. Еврей не мог стать офицером русской армии, хотя евреи несли воинскую повинность на тех же условиях, что и остальные подданные царя. Прием в государственные средние школы и высшие учебные заведения ограничивался известной процентной нормой. Не могли заключаться браки между православными и лицами иудейского (или любого другого нехристианского) вероисповедания. Еврей мог быть присяжным поверенным, но не мог быть нотариусом. Ни одно из этих правил не было непреложным: евреям-врачам иногда разрешалось служить в армии; иногда евреям разрешалось преподавать в художественных школах и т. д.»**.
«Евреи занимали лидирующие позиции среди российской деловой элиты, а в числе банкиров, биржевиков, руководителей крупнейших отечественных корпораций они явно преобладали. Эта часть российского еврейства никаких тягот и лишений не испытывала. Еврейские миллионеры не только были своими в мире большого бизнеса; они имели возможность общаться с самыми родовитыми и именитыми, получали государственные награды, чины, ордена, медали и даже возводились в дворянское достоинство»***.
«Но само применение ограничительного законодательства, как бы ни было оно снисходительно, было злом. Ограничения направляли деятельность и стремления предприимчивых и энергичных людей на все еще открытые для них поприща, особенно в торговле. Это создало то, что называлось еврейской монополией в некоторых отраслях торговли (лесопроизводство, экспорт пшеницы, биржевая деятельность). Это, в свою очередь, раздражало русское население и вело к требованиям дальнейших юридических ограничений или к ограничивающей полицейской практике»****.

Думается, немалая толика вины за участие евреев в революции лежит на наших императорах и их правительстве. Будь они

* Боханов А. Н. Николай II. С. 364.

** Катков Г. М. Февральская революция. С. 71.

*** Боханов А. Н. Николай II. С. 365.

**** Катков Г. М. Февральская революция. С. 71.

умнее, они не установили бы довольно глупых законов по отношению к евреям, когда, напомним (повторенье — мать ученья) необразованный еврей не мог жить вне черты оседлости, а образованный (то есть гораздо более опасный для правительства в качестве начальства или пропагандиста, человека пера), мог жить где угодно*; или когда еврей не мог заниматься некоторыми совершенно безобидными профессиями, но зато спокойно мог быть — и становился купцом-монополистом (!), артистом, фельдшером (если не доверяете еврею, то зачем пускаете его в медицину?!) или редактором (издателем) газеты, что евреи с удовольствием, естественно, и делали. Так кто же виноват в том, что евреи заполнили газеты и стали поливать критикой и (перед революцией) клеветой монархию, Династию и патриотизм (см. об этом хотя бы в книгах В. В. Розанова)? А затем, когда набралось достаточное количество евреев-журналистов, которые и без всяких масонских заговоров были оскорблены той же чертой оседлости и прочими глупыми ограничениями (которые, кстати, на деле практически не исполнялись, но отменить которые Николай II отказался, хотя Столыпин предложил ему проект постепенной ликвидации черты оседлости), Николай II «гениально» полностью отменяет в 1905 г. цензуру**, и вся эта братия плодит кучу новых газет и печатает все, что угодно... Писатель и публицист В. В. Розанов: «Теперь посеянное взошло. На одно «Новое время» существуют еврейские «Биржевые ведомости» (Пропер), «Речь» (Гессен), «Современное слово», «День» (Кугель), «Петербургский курьер». И Петербург представлен в печати не русскими, — во всяком случае, не русскими и не татарами, не немцами и чухонцами, а — евреями»***.

* Привело это к тому, что более 40% еврейского населения жило вне черты оседлости (см.: *Назаров М. В. Царь и революция // Держава. № 4 (7). 1996. С. 21*). Часть этого количества жила там, где хотела, по закону, а часть — потому, что царское правительство никак не контролировало проживание евреев именно в черте оседлости. Вот почему евреи поливали правительство грязью в газетах и душили его экономически...

** Не была отменена только цензура на публикации письменных и фотоматериалов, прямо касающихся царской семьи. И то, что этот запрет соблюдался прессой вплоть до отречения и нарушить этот запрет никто не смел, говорит как раз о том, что не отмени Николай II цензуру — и в стране был бы порядок...

*** *Розанов В. Мимолетное. М., 1994. С. 18. Отзыв М. К. Лемке (в дневнике) о приехавших в Бюро печати при Ставке журналистах: «Приехали в Бюро первые корреспонденты: Константин Маркович Соломонов (псевдоним*

Не надо обвинять никого ни в антисемитизме, ни в «клевете на Царя-мученика». Есть факты, одним из свойств которых является упрямство. Историк В. А. Федоров пишет: «Начало XX в. было отмечено интенсивным ростом в России периодических изданий и книжного дела. Печать занимала чрезвычайно важное место в общественно-политической жизни страны. Число газет с 1900 по 1913 г. увеличилось со 125 до 1130 (! — *И. С.*) названий. Газета нашла читателя среди рабочих и крестьян. Периодические издания выходили на 75 языках народов России. Этому способствовал и закон 3 ноября 1905 г., отменивший предварительную цензуру для периодических изданий. А в период революции 1905–1907 гг. существовала полная свобода печати (!.. Это как же так?! — *И. С.*). В те годы издавалось до 400 сатирических и юмористических газет и журналов со статьями и едкими карикатурами, высмеивавшими представителей власти. Пресса формировала общественное мнение»*. Наконец, предоставим слово М. Назарову: «Даже антирусский советолог У. Лакер пишет, что накануне войны «пресса в России, как и в Германии, сыграла главную роль в ухудшении отношений между обеими странами... Можно быть почти уверенным, что без прессы Первой мировой войны вообще бы не было»**. Так кто виноват?!.. Кто им ручонки-то сначала вырастил, а потом развязал?..

Напоследок процитируем слова из дневника прав. Иоанна Кронштадтского: «Свобода печати всякой сделала то, что Священное Писание, книги богослужебные и святоотеческие писания пренебрегаются, а читаются почти только светские книжонки и газеты; вследствие этого вера и благочестие падают; правительство либеральничающее выучилось у Льва Толстого всякому неверию и богохульству и потворствует печати, смердящей всякою гадостью страстей. Все дадут ответ Богу — все потворы» (запись от 26 сен-

«К Шумский») и Григорий Григорьевич Перетц (псевдоним «Г. П.»). Первый — отставной подполковник... сальная улыбочка, говорит очень авторитетно и сам смеется, что ежедневно должен писать две статьи — для утреннего и вечернего выпуска «Биржевки». Малый ловкий, умело учел момент, а статьи печет как блины. Перетц — полковник военно-юридического ведомства в отставке, ходит в штатском, — сотрудник «Речи»...» (*Лемке М. К.* 250 дней в Царской Ставке. Пг., 1920. С. 160).

* *Федоров В. А.* История России. 1861–1917 гг. М.: Высшая школа, 1998. С. 354.

** *Назаров М. В.* Царь и революция // *Держава.* № 4 (7). 1996. С. 19.

тября 1908 г. *) ... Понятное дело, что слушай царь прав. Иоанна Кронштадтского — печать была бы быстренько призвана к ответственности**. Но именно потому, что не слушал Николай II тех, кого следовало, прав. Иоанн и говорит: «Все дадут ответ Богу — все потворы». Все — это и царь. Обратим внимание: прав. Иоанн ни слова не сказал об обманутом, неосведомленном, загнанном в угол смиренном «царе-мученике». Нет, причина зла указана ясно: потворство, причем со стороны «всех», причем без исключения. Не читаем же мы «Все, кроме нашего обманутого царя, дадут ответ»...

Вышеизложенное позволяет задать вопрос, укладываемый в печально известные, но очень уместные слова: «Что это: глупость или измена?». В любом случае, об образе «самого-самого-самого... царя» не может быть и речи...

В заключение позволим себе привести лишь одну выдержку из весьма интересной работы В. М. Острецова: «В... образе «святого царя», все знающего и все видящего, и который авторами вписывается в лучших традициях розенкрейцерства в псевдо-православное понимание святости, есть, однако слишком много серьезных пробелов, чтобы можно было этим мифом удовлетвориться. Во-первых, объективно, царь своими решениями в либеральном духе помогал быстрой трагической развязке, а не просто пассивно за ней наблюдал. Помогал, действуя, объективно говоря, именно масонскому ордену и всем левым силам в их стремлениях покончить с самодержавием. Во-вторых, что не менее существенно, решительно не соблюдал церковных канонов, запрещающих вторжение светской власти во внутреннее управление Церковью, и ни при одном царствовании, исключая разве времена Петра I и бироновщину, не было такого бесцеремонного вмешательства царской власти в дела Церкви и унижения иерархов... Далее, не секрет, что замечательные

* См.: Предсмертный дневник святого праведного Иоанна Кронштадтского // Новая книга России. 1999. № 12; 2000. № 1; см. также: ЦГА СПб. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 71. Л. 26.

** Кроме прав. Иоанна Кронштадтского, Николай II мог послушать хотя бы преданных ему правых, монархистов, тем более, что они обращались к нему непосредственно (не в проповедях, а прямо) и регулярно: «Правые организации постоянно предупреждали правительство, что страна, отданная на откуп враждебной печати, идет к катастрофе. Необходимо срочно создать по всей России национальные газеты. Не было ни одного съезда правых партий, где не принимались бы подобного рода послания к Царю» (Острецов В. М. Черная Сотня и красная сотня. М.: Воениздат, 1991. С. 33).

иерархи и святые подвижники Церкви оказались именно в это царствование в той или иной мере гонимыми от царской четы, Николая II и его супруги. Кроме того, мы не знаем, кому верить в этом вопросе, — праведному ли Иоанну Кронштадтскому, осудившему политику царя в 1905 году, Льву Тихомирову <...> другим ли русским людям, верным престолу и отечеству и своей мученической кровью удостоверившим свою верность Церкви и долгу верноподданных, или же современным конъюнктурным монархистам (призыва 1991 г.), всю жизнь просидевшим в коммунистической номенклатуре или в сексотах.

Далее, даже если отвергнуть все эти доводы, то остается еще один, но уж совершенно неразрешимый даже в рамках адептов мифа о «непогрешимом царе». Дело в том, что сам Николай II достаточно часто менял свои мнения и признавал ошибочность своих решений. Он был уверен, что народ у нас хороший, что все будет хорошо, что война с Германией кончится нашей победой и так далее. Кроме того, уж совершенно не знаешь, что делать с благословениями масонскому Временному правительству со стороны государя. После его отречения. И как быть с церковными канонами попираемыми. Или с политикой потакания «плюрализму» в печати, благодаря которому пропаганда атеизма шла в стране самым широким потоком. Таким образом, чтобы поверить в этот миф непогрешимого царя, нужно отказаться от церковного учения, отпасть от самой Церкви, впасть в ересь духоборства, а заодно отказаться от дара Божия — собственной способности логически мыслить. Но это дорогая цена для дешевой сказки... Совершенно очевидно, что ничего случайного в жизни не бывает и что отступничество носителей Верховной власти от своего долга — явление не исключительное в истории даже одной России: в сущности, весь петербургский период — тому самое наглядное свидетельство...»*.

Итак, в случае с последним императором о канонизации говорить довольно сложно. Можно еще говорить о реабилитации, да и то возникают серьезные проблемы...

* *Острецов В. М.* Масонство, культура и русская история: Историко-критические очерки. С. 382–383.